

Дети ещё маленькие, если взрослые будут заботливо их воспитывать, их нравственность не испортится. Кроме того, семья Ань сейчас разрознена и пришла в упадок. В поколении Цзинхэ остался только он один...

Цзинхэ. Ань Шаохуа вспомнил холодное тело Цзинхэ, словно оно до сих пор лежало в его объятиях.

В детстве Цзинхэ был пухлым малышом, мягким и податливым, но говорил немного невнятно. Например, вместо «пить воду» он говорил «хачуй». Как его ни старались переучить, ничего не помогало.

В семье Ань было мало людей, поэтому у них не было домашней школы. Семья Гу передавала боевые искусства из поколения в поколение, но тоже не занималась образованием. Когда Цзинхэ исполнилось четыре года, Ань Шаохуа лично начал его обучать. В те дни он постоянно спорил с Гу Мо. Гу Мо настаивал, что в раннем возрасте дети должны учиться морали, но не писать. Особенно когда Ань Шаохуа сделал маленький мешочек с песком, который Цзинхэ должен был носить на запястье, чтобы тренировать руку при письме. Гу Мо тогда разозлился, сорвал мешочек и выбросил его за стену, указывая на Ань Шаохуа и крича, чтобы тот не издевался над его сыном.

И совесть моя чиста. Даже не говоря о великих учёных, возьмём, к примеру, недавних выпускников Императорской академии. Разве не все они прошли через это в детстве? Если не терпеть трудности в юности, как же тогда реализовать свои амбиции в будущем?

Ссоры и споры, шатания и падения, но, к счастью, Цзинхэ сам был умным и старательным ребёнком, и за несколько лет его почерк стал вполне приличным.

Когда Цзинхэ исполнилось семь лет, Ань Шаохуа попросил дядю отправить его в домашнюю школу семьи Се. Гу Мо, избаловавший ребёнка, каждый день ходил за ним. Ань Шаохуа несколько раз говорил, что если уж Цзинхэ ходит в чужую школу, то должен жить и учиться вместе с другими детьми. Другие дети в семь-восемь лет уже могли сами о себе заботиться, и Цзинхэ тоже мог. В конце концов вмешалась мать, и Гу Мо перестал приходить каждый день.

Теперь, оглядываясь назад, Ань Шаохуа понимал, что его забота о Цзинхэ была сосредоточена только на учёбе и будущем, а на повседневные нужды он никогда не обращал внимания. Сколько сил Гу Мо потратил на эти мелочи, чтобы воспитать ребёнка так хорошо.

Неудивительно, что после похорон Цзинхэ Гу Мо ушел вместе с Цзинцю.

Он никогда не винил Гу Мо за то, что тот ушёл. Этот дом, превратившийся в болото, для Гу Мо уже не был домом.

Ань Шаохуа прислонился к окну, постепенно теряя силы, и опустился на пол.

Масло в лампе закончилось, пламя несколько раз дрогнуло и погасло.

Ночь была тёмной, ничего не было видно.

В полузабытьи Ань Шаохуа, казалось, заснул, а может, просто потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, глаза резала боль, а рот не мог произнести ни слова. Он не знал, где находится, не понимал, какое сейчас время года. Лихорадка сводила его с ума, и он думал, что пришёл его конец.

Позже он узнал, что родственники Сюаньнян нашли его в разрушенном храме, где собирались беженцы. К тому времени он пропал уже пять дней. Когда он вернулся домой и выздоровел, Сюаньнян рассказала ему, что Юэ'э ушла с детьми, забрав все деньги из дома. Что касается составленных им документов о разводе, Сюаньнян их не видела.

То, что произошло, и кто это сделал, было очевидно. Если раньше у него ещё были сомнения насчёт Юэ'э, то теперь он только жалел, что не действовал решительнее.

К счастью, лавка семьи Сюаньнян была записана на имя Нинъюя, и там остались некоторые сбережения, благодаря чему Ань Шаохуа смог получить лечение.

Но тот, кто напал на него, оказался слишком жесток, и его глаза и горло уже нельзя было вылечить.

Ань Шаохуа пережил множество взлётов и падений, но внезапно оказаться слепым и немым было тяжело. Хотя он и чувствовал подавленность, это не сломило его. У него оставались Сюаньнян и Нинъюй, и если он сдастся, как они выживут?

Так прошли три года лишений, полных горечи, о которой некому было рассказать.

За эти три года мир изменился.

Гу Мо теперь носил титул Великого генерала Шэнью, пожалованный лично императором. Цзинцю... теперь его звали Гу Люйсин. Он унаследовал титул герцога Вэйго.

Хорошо, лучше, чем оставаться со мной. Это удача Гу Мо и судьба семьи Гу.

Он не надеялся увидеть Гу Мо снова при жизни.

Не надеялся, что Цзинцю когда-нибудь вспомнит, что у него есть отец в уезде У.

Он только молился, чтобы Гу Мо прожил долгую и мирную жизнь и встретил достойного человека. Чтобы Цзинцю преуспел и имел много потомков.

.....

За эти три года его здоровье то улучшалось, то ухудшалось. Старые раны не заживали, и организм был истощён. Недавно из-за военных беспорядков, чтобы Нинъюя не забрали в армию, они продали дом и переехали в лавку. Ань Шаохуа заставил Нинъюя и его мать спать на кровати, а сам упорно спал на полу. В результате он простудился, но думал, что это пустяк, и что, попив больше воды и укрывшись потеплее, он поправится. Ведь денег в доме совсем не было. Но, видимо, старое тело уже не могло справляться с такими вещами, и у него началась лихорадка, сознание то прояснялось, то путалось.

Например, только что ему казалось, что Гу Мо спас его, и он даже слышал голос Гу Мо. Ха... настоящие мечты безумца.

— Я оставлю несколько человек, чтобы они заботились о вас, — голос Гу Мо не выражал ни радости, ни печали.

Гу Мо! Это действительно Гу Мо!

Как он сейчас выглядел? Какие следы оставили на нём эти три года? Привёз ли он с собой Цзинцю? Ах да, теперь его нельзя называть Цзинцю, нужно называть герцогом Гу.

Сердце Ань Шаохуа сжалось от боли. Если бы он мог видеть, смог бы он разглядеть на лице Гу Мо жалость или злорадство? Каким бы ни было выражение Гу Мо, он действительно хотел увидеть его ещё раз.

— В уезде У сейчас неспокойно. Через некоторое время я пришлю людей, чтобы забрать вас в Юнъань. Что касается Юэ'э и её детей, не спрашивайте о них. Если он очнётся... — Гу Мо оставлял людей, чтобы заботиться о семье Ань Шаохуа, но не только ради него. Ань Шаохуа не видел, как Гу Мо поманил рукой, и подошла старая нянька с младенцем на руках, которому не было и года.

— Это сын Цзиньчуня. Я передаю его тебе на воспитание, чтобы оставить семье Ань потомство.

Что Гу Мо имел в виду?

Ань Шаохуа заволновался, он замычал и начал хватать воздух руками.

Юэ'э заслужила смерти, но самосуд — это тяжкое преступление! Семья Гу сейчас, конечно, процветает, но что будет через десять, двадцать лет? В истории всегда наступает момент, когда «лук убирают, а птиц уничтожают», и когда мир стабилизируется, новый правитель может начать пересматривать старые дела. Это готовое обвинение! Не знает ли Гу Мо, насколько тщательно он спланировал свою месть, сколько людей знают об этом, и не предадут ли его в будущем?

Гу Мо, увидев волнение Ань Шаохуа, лишь усмехнулся:

— То, что сделали Юэ'э и её дети, тебе и без меня известно. Все эти поступки, хотя и не были твоей инициативой, произошли из-за тебя и стали такими ужасными только благодаря твоему попустительству!

Ань Шаохуа хотел сказать так много, но, не имея возможности говорить, он мог только писать. Он попытался схватить руку Гу Мо, чтобы «рассказать» ему о текущей ситуации. Но Гу Мо, увидев его в таком состоянии, почувствовал острую боль в сердце и отвернулся.

Он помнил, как когда-то блистал Чжохуа-гун: как он танцевал с мечом в персиковом саду, а Ань Шаохуа играл на цине. Когда Гу Мо остановился, чтобы вытереть пот, их взгляды встретились, и оба улыбнулись. Этот момент был настолько прекрасен, что весь мир померк. Теперь же, видя Ань Шаохуа слепым, немым, больным и почти безумным, вся ненависть в сердце Гу Мо превратилась в горечь.

— Прощай. Ты... береги себя.

Сказав это, не обращая внимания на крики Ань Шаохуа и на то, что тот даже упал с кровати, Гу Мо развернулся и ушёл.

Ань Шаохуа услышал, как захлопнулась дверь, и почувствовал, как в комнату ворвался холодный ветер.

Гу Мо ушёл.

Гу Мо снова ушёл.

На этот раз, вероятно, они больше не увидятся при жизни.

Ань Шаохуа почувствовал, как его тело становится легче, боль в груди при дыхании и жжение в горле постепенно исчезают. Он вдруг испугался. Все эти годы он пережил столько.

Он не боялся, когда его лишили должности; не боялся, когда его сослали; не боялся, когда умер Цзинхэ; не боялся, когда умерла мать; не боялся, когда проснулся слепым и брошенным в пустыне; не боялся голода, холода, непрекращающегося кашля и высокой температуры.

Теперь же это внезапное чувство легкости и комфорта напугало его.

Вскоре Ань Шаохуа понял. Он испугался, потому что умирал.

Когда-то Гу Мо, кажется, говорил: «В этом мире, кроме жизни и смерти, всё — мелочи». Тогда Ань Шаохуа не придавал значения этим словам, но теперь он понял, осознал, проник в их суть. И отпустил.

Наконец, наконец! Наконец...

Наконец он может умереть.

<http://bllate.org/book/16674/1529224>